

ЛИЧНОСТНОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПСИХОЛОГА-ПРАКТИКА

А.Ф.БОНДАРЕНКО*

Ставится проблема соотношения этического и психотехнического аспектов в профессиональной деятельности психолога-практика. Формулируется гипотеза о зависимости этических ориентаций психолога-практика от уровня профессиональной структурированности его личностного сознания. Описывается эксперимент, направленный на проверку данной гипотезы.

Постановка проблемы

Анализ современных публикаций, так или иначе освещающих проблематику профессиональной подготовки психологов-практиков, показывает, что ведущими темами в них выступают две в равной степени взаимосвязанные и взаимонезависимые проблемы: этическая и «психотехническая». Подобное положение вещей легко объяснимо спецификой самого содержания деятельности психолога-практика. Получив общее с психологом академической (исследовательской) ориентации базисное содержание образования, относящееся к усвоению знаний и умений, связанных с функционированием психики, ее природы, методов исследования и истории психологической науки, психолог-практик в своей профессиональной работе сталкивается с такими явлениями, ситуациями, психическими и иными проявлениями общественной и личной жизни, которые не идут ни в какое сравнение с экспериментальными исследованиями, скажем, психических процессов, традиция которых была заложена еще в прошлом веке. Пожалуй излишне даже упоминать о кардинальных различиях в этих сферах деятельности, но стоит, по-видимому, выделить по крайней мере то главное, на

* *Бондаренко Александр Федорович* – канд. психол. наук, зав. лабораторией консультативной психологии при Киевском институте иностранных языков. Специалист в области социальной и экзистенциальной психотерапии. 252150, Киев, а/я 434/9, лаборатория консультативной психологии.

наш взгляд, обстоятельство, что реальная жизнь отличается от эксперимента невоспроизводимостью происходящих в ней событий, переживаний и утрат.

Каждый человек со своими переживаниями в конкретной житейской ситуации, пусть даже типичной, единичен и уникален и в отличие от экспериментальных условий не защищен. Ни клиент, ни психолог-практик не могут остановить поток жизни, изменить ситуацию или, на худой случай, просто констатировать ее безвыходность, как, скажем, исследователь прерывает эксперимент, констатируя его безрезультатность, или меняет его условия.

Отсюда вытекает совершенно иная мера ответственности психолога (да и самого клиента) за ход и результаты консультативного и психотерапевтического процесса. Ее уровень поднимается подчас до высочайшей отметки – самой человеческой жизни, человеческой судьбы, что и выдвигает этическую проблематику на первое место при профессиональной подготовке психологов-практиков, то есть, в сущности, социальных психотерапевтов. Причем этическая проблематика проявляется здесь не столько даже в каком-то узком смысле, например, в часто упоминаемых этических профессиональных нормах, стандартах или профессиональном «кодексе чести» практического психолога.

Мы полагаем, что для практикующего психолога проблематика, связанная с этической стороной его деятельности, является, по существу, предельно широкой: это целая совокупность задач, мотивов, смыслов и ценностей, мировоззренческая, теоретическая и социокультурная по своему диапазону; это область, охватывающая личностные структуры психолога в целом, а не просто затрагивающая тот или иной способ решения конкретных затруднений или противоречий, с которыми он может столкнуться в профессиональной деятельности. Иными словами, значимость этической проблематики определяется тем, что она играет ведущую роль в формировании особого – деонтологического – менталитета целой профессиональной группы. Так же как «этичность» выступает смысловым ядром семантического пространства «Я», а духовность – условием и атрибутом психотерапевтических воздействий и личностных изменений, забота об этике является не чем иным, как своеобразным показателем профессиональной пригодности психолога к практической работе.

Однако лишь констатация ценности этики, даже первостепенной ее значимости в профессиональном отборе, личностном и профессиональном росте психолога-практика остается красивым, но общим местом, если не раскрыть содержательно диапазон и возможность тех или иных выборов в пространстве этической проблематики, связанной с социопсихотерапией. Именно содержательные характеристики, объем, степени свободы и способы понимания этической проблематики служат предпосылкой и основой личностного самоопределения психотерапевта и консультанта. При этом следует принять во внимание почти полную неразработанность правовых норм

деятельности практикующих психологов в нашей стране¹. Поэтому этические нормы вынужденно принимают форму некоего нравственного императива, что лишь осложняет дело, так как формируется замкнутый круг: низкий уровень развития общественного сознания и отсутствие правовой защищенности личности не снимают этической проблематики, но последняя не может быть задана произвольно, а способна быть выработана только на основе живой практики социопсихотерапии, которая нуждается, в свою очередь, в правовой и иных видах социальной регуляции. Отсюда и возникают общие соображения вместо правовых норм.

Разделяя взгляды советских исследователей в отношении этической проблематики, относящейся к психологам-практикам (*Братусь*, 1990; *Бурно*, 1989; *Василюк*, 1984, 1988; *Зинченко*, 1991; *Эткинд*, 1987), мы считаем необходимым для корректной постановки проблемы обратиться к более широкому историко-философскому контексту этических идей. Как известно, наиболее общие тенденции развития этических теорий сформировались в следующие концепции: *утилитарную* – когда моральное, правильное связывалось с идеей пользы или цели (Аристотель, Гоббс, Спиноза, Гольбах, Гельвеций и др.), *гедонистическую* (восходящую к Эпикуру и Дж.Сантаяне) и *контракта*, корни которой простираются далеко за пределы «общественного договора» Руссо и «категорического императива» Канта, вплоть до Нагорной проповеди. Сосредоточенные на практике, индивиде или социуме, эти основные концепции формируют предельно широкую «ориентировочную основу» (если воспользоваться термином П.Я.Гальперина) для выбора того базисного, универсального принципа принятия определенного решения или курса, направления поведения, которым может изначально руководствоваться профессионал. Грубо говоря, психолог-практик, делая свой первый нравственный выбор, определяет свою деятельность либо как получение выгоды (удовольствия), либо как служение (делу или же другим людям). Так формируются личностные смысловые структуры, определяющие этические мотивы и способы деятельности безотносительно к институциональным стандартам («кодексу чести») профессии.

«Кодекс чести» (профессиональная этика, деонтология психологов-практиков) необходимо требует разработки общих правил и принципов поведения, оценки профессионального соответствия, а также соблюдения определенных этических норм, направленных прежде всего на защиту интересов личности клиента. Он включает в себя множество нравственных вопросов, возникающих в нестандартных и вместе с тем обычных в работе практического психолога ситуациях: как распоряжаться личностной информацией при работе с членами одной семьи (супругами, родителями и детьми), при решении конфликтов в производственном коллективе; насколько

¹ К настоящему времени, т.е. в 1993 году, насколько нам известно, существуют лишь более или менее согласованные профессиональные этические нормы, принятые различными психологическими ассоциациями, и продолжается обсуждение отдельных аспектов данной проблемы в литературе. Однако пока еще сообщество психологов и общество в целом весьма далеки от осознания необходимости правовой регуляции деятельности психологов-практиков.

позволительно делиться собственными взглядами и ценностями, чтобы не допустить навязывания их клиенту или отчуждения клиента; как определить границы принятия мировоззрения клиента и пределы отказа от собственных ценностей без ущерба для собственного «Я» и т.д. и т.п.² И это при всем при том, что «кодекс чести» содержит лишь самые общие правила и нормы поведения, являясь принадлежностью институционально-ролевого уровня описания модели специалиста, и не затрагивает собственно «технологический» аспект его деятельности; взгляды на проблемы жизни и смерти, здоровья и патологии, понимание и трактовку понятия «благополучие клиента», конкретные познания, относящиеся к профессиональным требованиям к психологу, т.е. экзистенциальные проблемы и смыслы деятельности.

Как отмечает Дж.Вуди, «детерминантой психотерапевтического процесса выступает то, что психотерапевт является не только экспертом, но и личностью. А именно личность мыслит и принимает то или иное решение» (Woody, 1990, p.143). Ведь в моменте пересечения «Я-функционального» и «Я-экзистенциального» сталкиваются в неповторимом взаимодействии уровни и аспекты профессиональных и личностных проявлений психолога-практика, образуя многомерный и многообразный «жизненный мир» этих, особого рода, профессионалов. Мир, в котором психологически невозможна слишком большая дистанция между обоими «Я». Мир, который, дабы существовать, уже в самом начале своего появления предполагает интенсивную вовлеченность в процессы собственного развития («интеграции», «индивидуации», «компенсации», «самоактуализации», «роста» и т.п.). В противном случае возникают раздвоенность, тревожность и, как следствие, неуверенность либо авторитарность; тенденции не к инкорпорированию нового опыта, а наоборот – к обострению и напряжению защитных механизмов, т.е. в конечном итоге возникает множество проблем и препятствий на пути личностного роста, если таковой вообще возможен. (Глубокие замечания о профессиональном и личностном самосознании советских психологов можно найти в статье К.Роджерса «Внутри мира советского профессионала», где, в частности, отмечаются раздвоенность, авторитарность, неуверенность и тревожность советских психологов (Rogers, 1987; см. на эту тему также: Зинченко, 1991).

Обобщив сказанное, можно предположить, что подобные противоречия в личностном и профессиональном самосознании ведут к нарушению личностной и профессиональной идентичности психолога. И наоборот, достижение адекватной профессиональной идентичности снижает тревожность, повышает личностный потенциал, уменьшает дистанцию между «Я-функциональным» и «Я-экзистенциальным». С целью обоснования данного предположения и построения соответствующей ему гипотезы с последующей ее верификацией мы провели специальное экспериментальное исследование, в

² Простейший, но послуживший темой специального исследования случай: бухгалтер одного из предприятий во время психологической консультации, основываясь на принципе конфиденциальности, рассказал о допущенных им значительных финансовых нарушениях, что сильно беспокоило его и грозило уголовной ответственностью. Как вести себя психологу-консультанту? (См.: Конфликт ответственности: исследование случая этической дилеммы психологов, работающих в организациях // РЖ 95. Психология. – М.: ВИНТИ, 1990, № 2. – С.3.)

котором предметом служил когнитивный аспект профессиональной идентификации психолога, а контролируемыми переменными – степень структурированности знания, соответствующего той или иной психотерапевтической парадигме.

Методика и процедура эксперимента

В исследовании был использован специально сконструированный проективный текст, содержащий описание ситуации консультирования и – от первого лица – личностных проблем клиента. Испытуемым (отечественным и зарубежным психологам-практикам) предъявлялся данный текст, вслед за чем предлагалось *определить*: 1) терапевтические цели в работе с данным клиентом; 2) роль (функции) психолога-консультанта; 3) основные понятия и (или) принципы психотехники в работе с данным клиентом; и указать: пол и стаж практической работы (см. *Corey*, 1986).

Работа с испытуемыми состояла из трех этапов: (а) констатирующего (полевого) обследования, (б) обучающего (проектировочного) этапа и (в) последующего (регистрационного) обследования³.

Результаты первого и последнего этапов подвергались кластерному анализу с применением сортировки, осуществлявшейся независимыми экспертами. Референтной константой служили 11 рубрик, включающих наименования основных психотехнических направлений, а также две дополнительные: «эклектика» и «не знаю»⁴. Всего в исследовании на разных его этапах участвовало 46 психологов-практиков (19 мужчин и 27 женщин в возрасте от 22 до 50 лет, со стажем практической работы от 1 года до 20 лет, в том числе 18 зарубежных психологов из США, Англии, Германии).

Результаты констатирующего обследования

Итогом кластер-анализа исходных данных явилась матрица результатов, в которой столбцы содержали порядковые номера экспертных выборов, а строки – номера высказываний-референций, то есть оценку экспертами суждений испытуемых по отношению к референтной константе. Всего, как и ожидалось, было получено 11 весьма четко очерченных кластеров, из которых шесть отличались более, а пять – менее выраженной мощностью. Причем один кластер (10-й) атрибутировать не удалось. В порядке проявления полученные кластеры суть следующие:

1. Психоанализ.
2. Экзистенциальная психотерапия.
3. Эклектика.
4. Гештальттерапия.
5. Роджеровская личностно-ориентированная терапия.

³ Отличие проектирования от формирования заслуживает специального рассмотрения. Здесь мы укажем лишь на то, что в нашем случае испытуемый был свободен в выборе и использовании соответствующих психотехник.

⁴ Основные психотехники (психоанализ, адлеровская психотерапия, поведенческая, экзистенциальная, роджеровская личностно-ориентированная терапия, гештальттерапия, рационально-эмотивная психотерапия, психотерапия здоровым смыслом, транзактный анализ) соответствуют четырем главным парадигмам в современной психотерапии: динамической, поведенческой, гуманистической и когнитивной.

6. Транзактный анализ.
7. Адлеровская психотерапия.
8. Рационально-эмотивная психотерапия.
9. Поведенческая психотерапия.
10. Не удалось атрибутировать (наиболее размытый).
11. «Не знаю».

Полученные данные показывают, что, в сущности, кластеризовались практически все референтные группы, относящиеся к основным психотехникам, и даже рубрика «Не знаю», за исключением «психотерапии здравым смыслом» (reality psychotherapy), вошедшей в более мощный кластер «эклектика». Из полученных *наиболее мощными* явились следующие кластеры: «эклектика» (3), «гештальттерапия» (4), «роджерсовская личностно-ориентированная психотерапия» (5), «поведенческая психотерапия» (9), «не знаю» (11). Четко выраженными, но *менее однородными* и более слабыми явились кластеры: «экзистенциальная психотерапия» (2), «транзактный анализ» (6), «адлеровская психотерапия» (7), «рационально-эмотивная психотерапия» (8). *Наиболее слабым*, хотя и однородным, оказался кластер «психоанализ» (1). «Психотерапия здравым смыслом» не выделилась в отдельный кластер, по-видимому, по причине редкого использования соответствующей психотехники. Подобное же объяснение вполне корректно и в отношении психоанализа, учитывая слабую наполненность соответствующего кластера. Иными словами, опрошенная выборка психологов просто редко пользуется данными психотерапевтическим методом.

Интерпретация результатов

Едва ли не самыми характерными оказались результаты, связанные с рубриками «эклектика» и «не знаю», вошедшими в пятерку наиболее мощных кластеров наряду с ответвлениями экзистенциально-гуманистической и поведенческой парадигм. На наш взгляд, полученные результаты весьма недвусмысленно отражают как общее положение в среде практических психологов, по крайней мере в той ее части, которую удалось охватить обследованием (смеем утверждать, что это – некий усредненный профессиональный стандарт), так и основную проблему профессиональной подготовки психологов-практиков – проблему профессиональных знаний и, следовательно, проблему профессиональной идентичности. Иными словами, отсутствие профессиональных знаний (в широком смысле этого слова, включая и овладение соответствующими техниками работы), осознаваемый или, что гораздо хуже, неосознаваемый эклектизм в работе и создают тот личностный дискомфорт (тревожность, неуверенность и т.п.), который затрудняет путь профессионального самоопределения отечественного практикующего психолога. Как следствие, отечественные психологи вынуждены адаптироваться не к той парадигме, которая соответствует им и которой соответствует личность того или иного психолога, а довольствоваться теми направлениями, техниками работы, которые, попросту говоря, стали им

доступны. К сожалению, аргументом в пользу данного утверждения служит исследование семантического содержания кластеров «эклектика» и «не знаю». Оказалось, что последний на 100% состоит из высказываний отечественных психологов, а первый – приблизительно на 80. И это при том, что американские психологи, даже идентифицируя себя с тем или иным направлением, открыто говорили о своем эклектизме, в то время как отечественные чаще отдавали предпочтение гуманистической парадигме. В связи с этим мы обратили внимание на противоречия между суждениями в первой и второй части опросного листа у отечественных психологов. Так, на вопрос о терапевтических целях респондент отвечает в русле адлеровской психотерапии: повышение самооценки, совместное исследование личностной динамики, помощь в поиске новых альтернатив, ободрение; а во второй части (описание принципов и психотехник) – приводит техники из гештальттерапии или роджерсовской терапии, центрированной на клиенте (завершение незавершенного, диссоциированный диалог, эмпатия, безусловное принятие и т.п.). Подобные противоречия, за счет которых, кстати, кластер «эклектика» и получился самым мощным, – прямое следствие общего состояния профессиональной подготовки психологов-практиков в нашей стране.

Для нашего исследования важнее, однако, не критический план, а сугубо познавательный – наше предположение о возможных причинах насущных проблем в профессиональной подготовке психологов-практиков стало обретать очертания собственно гипотезы. Именно в целях ее верификации, т.е. проверки на достоверность и обоснованность, мы и продолжили данное исследование на втором и третьих этапах, организовав специальное предметно-ориентированное (в гуманистической парадигме) активное профессиональное обучение восемнадцати психологов по разработанной нами программе с последующим кластерным анализом соответствующих предметных референций⁵.

Результаты регистрационного обследования

После экспертной сортировки (распределения по рубрикам-референциям), результаты которой были кластеризованы, выявилось четыре четко очерченных кластера. Из них лишь один (третий) оказался слабой наполненности и не был атрибутирован, остальные отличались высоким уровнем наполненности и мощности. Причем самым обширным оказался первый кластер.

Выявленные кластеры были атрибутированы следующим образом:

1. Экзистенциальная психотерапия.
2. Роджерсовская личностно-ориентированная психотерапия.
3. Не атрибутирован.
4. Гештальттерапия.

⁵ Вопрос о содержании и методах обучения мы сознательно опускаем, что сохранить цельность изложения материала. Попутно отметим лишь, что содержательная основа обучения с использованием активных социально-психологических методов (ролевые, имитационные и другие игры, видео-тренинг, равно как и применение в обучении профессионалов соответствующих изучаемой парадигме психотехник) детально изложена нами в учебном пособии «Основы консультативной психологии. Анализ современных концепций» – Киев, 1992, 116 с. (на укр. яз.).

Сопоставление семантического содержания первого кластера с исходными данными показало: его разветвленность объясняется тем, что эксперты относили в некоторых случаях то или иное высказывание испытуемых-респондентов одновременно к рубрике «экзистенциальная психотерапия» и к остальным. Хотя при этом нарушалась инструкция, мы не усматриваем в указанном нарушении угрозу самому эксперименту, поскольку и «терапия, центрированная на клиенте», и «гештальттерапия» суть разновидности одной и той же гуманистической, т.е. экзистенциальной, парадигмы в современной психологии и психотерапии⁶. Как раз с учетом необходимости верификации выдвинутой выше гипотезы замечательным представляется именно тот факт, что после специально построенного обучения испытуемые сумели достаточно четко разграничить цели, принципы и психотехники основных разветвлений гуманистической (экзистенциальной) парадигмы, что свидетельствует о достижении высокой степени структурированности полученных ими знаний в данной профессиональной области⁷.

Интерпретация результатов регистрационного обследования

Полученные данные весьма красноречиво, на наш взгляд, свидетельствуют в пользу выдвинутой нами гипотезы. Вместе с тем это положение нуждается в более развернутой аргументации, в том числе и в аргументации с привлечением дополнительных исследовательских материалов, хотя сами результаты регистрационного этапа эксперимента (исчезновение кластеров «эклектика» и «не знаю», высокая гомогенность полученных кластеров) достаточно красноречивы.

Сущность нашей гипотезы заключалась в том, что именно профессиональное самоопределение психолога-практика уменьшает дистанцию между «Я-функциональным» и «Я-экзистенциальным», снижает тревожность, повышает личностный потенциал, т.е. становится как бы условием и одновременно стимулом к дальнейшему личностному росту и личностному самоопределению. Иными словами, когнитивный аспект личности определяет ее экзистенциальный, бытийный аспект. «Технологический» уровень представленности модели специалиста детерминирует личностный. А уже этот, последний, возвращает личностное «Я» к институционально-ролевому «лику» профессии. Круг вновь замыкается. Начав с «примеривания» себя к роли психолога в социуме, с «примеривания» своих мотивов, смыслов, способностей, окунувшись затем в поток профессиональной проблематики и технологии, специалист применяет уже по отношению к себе самому те или иные концепции, техники, и в ходе этой, профессиональной и одновременно личностной работы вновь, уже с высот своего экзистенциального «Я», возвращается в «Я-функциональное», достигая желанной профессиональной и тем самым одновременно личностной идентичности.

⁶ Здесь уместно вспомнить название одной из известнейших работ Ж.П.Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм».

⁷ Отметим попутно, что проведенные автором целевые циклы обучения психологов-практиков, посвященные другим психотерапевтическим парадигмам, также выявили высокую структурированность профессиональных знаний в данной предметной области.

Анализ отсроченных результатов удовлетворенности собой и своей профессиональной деятельностью у психологов, прошедших под нашим руководством целевое обучение, показал, что отмечаются выраженные статистически значимые различия между состояниями до и после подобного обучения⁸. Самоотчеты испытуемых, интервью, а также исследование их ценностных ориентаций по методике Рокича, проведенное нашей сотрудницей Н.Ю.Журавлевой, показало снижение значимости инструментальных ценностей и определенные смещения в ряду абсолютных, где самые высокие ранги приписывались таким понятиям, как «любовь» (69%), «свобода» (56%), «здоровье» (55%), «познание» (53%). Характерно, что такие ценности, как «материальное обеспечение», «удовольствия» и «общественное признание» заняли статус отвергаемых, т.е. вопрос об утилитарной и гедонистической ориентациях решался однозначно в пользу служения, в пользу общественного контракта, если, конечно, слова «во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте вы с ними», можно отнести к основам общественного контракта.

Выводы

1. Полноценное профессиональное знание, представленное во всей полноте своей «ориентировочной основы», позволяет психологам-практикам произвести адекватное парадигмальное и личностное самоопределение в обширном пространстве современной психотерапии.

2. Достижение адекватной профессиональной идентичности уменьшает раздвоенность, неуверенность, авторитарность и тревожность отечественных психологов – черты, являющиеся, по мнению известных исследователей, их специфическими чертами.

3. Повышение профессиональной структурированности личностного сознания психолога-практика способствует практическому решению этических проблем профессиональной деятельности, в частности признанию в качестве основополагающей в противовес утилитарной и гедонистической концепции контракта как этической основы психотерапевтической работы.

ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко А.Ф. Социальная психотерапия личности (психосемантический подход). – Киев: КГПИИЯ. – 1991.

Братусь Б.С. Опыт обоснования гуманитарной психологии // Вопр. психологии, 1990, №6 – С.9-16

Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением. – М.: Медицина, 1989.

Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Василюк Ф.Е. Уровни построения переживания и методы психологической помощи // Вопр. психологии, 1988, № 5. – С. 27-37.

⁸ Измерения проводились по шкалам семантического дифференциала Фельдеса с использованием параметрического коэффициента Стьюдента ($p \leq 0.01$).

Зинченко В.П. «Системный анализ в психологии?» // Психол. журнал, 1991. – Т.12, № 4. – С.120-138.

Эткинд А.М. Психология практическая и академическая: расхождение когнитивных структур внутри профессионального сознания // Вопр. психологии, 1987, № 6. – С.20-30.

Belkin G.S. *Introduction to Counseling*. – Dubuque, Iowa: W.C. Brown Publishers, 1988.

Corey G. *Theory and Practice of Counseling and Psychotherapy*. – Monterey: Brooks & Cole Publ., 1986.

Rogers C. *Inside the World of Soviet Professionals* // *Journal of Humanistic Psychology*, 1987. – Vol. 27, № 3. – P.277-284